

исследований и новых поступлений в 1991—1995 гг. — М., 1996. — С. 50; *Они же*. Погребения с бронзовой посудой... — С. 168.

⁵² Так, ковши наряду с бронзовыми ведерками входили в состав воинского инвентаря (*Шилов В.П.* К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // *КСИА*. — 1974. — Вып. 138. — С. 65), а находки высоких кувшинов с биконическим туловом и высоким цилиндрическим горлом (*Гущина И.И., Журавлев Д.В.* Погребения с бронзовой посудой... — Рис. 4, 14) чаще всего встречаются в районах Северного Причерноморья, наиболее подверженных романизации.

⁵³ *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская Империя. — С. 49—50.

⁵⁴ Благодарю за информацию К.Б. Фирсова. Эти находки в настоящее время готовятся им к публикации.

Одержано 19.03.2001

Д.В. Журавльов

ЩЕ РАЗ ПРО ДЕТАЛІ РИМСЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО КОСТЮМА І КІНСЬКОЇ ЗБРУЇ З ХЕРСОНЕСА ТА ПІВДЕННО-ЗАХІДНОГО КРИМУ

Статтю присвячено публікації деталей римського військового костюма та кінської збруї, що зберігаються в колекції Державного історичного музею в Москві. Перша знахідка — це набір поясів, знайдений в «земляній гробниці» № 492, які розкопував у 1894 р. К.К. Косцюшко-Валюжинич. Скоріше за все, цей набір поясів потрапив у Херсонес із воїном, що раніше служив на території Галлії чи Німеччини. Декілька деталей римської військової амуніції знайдено в пізньоскіфському некрополі Бельбек IV у Південно-Західному Криму. Імовірно, деталі спорядження спочатку могли належати легіонерам, а потім у ролі військових трофеїв потрапили до варварів.

D. V. Zhuravliov

ONCE MORE ABOUT THE DETAILS OF THE ROMAN MILITARY COSTUME AND HORSE HARNESS FROM CHERSONESOS AND THE SOUTH-WESTERN CRIMEA

The article deals with the publication of the details of the Roman military costume and the horse harness, which are kept, in the collection of the State Historical Museum in Moscow.

The first find – is the collection of belts, found in the “ground tomb” N 492, by K. K. Kostsushko-Valuzhinich in 1894. This collection of belts could have got to Chersonesos together with the warrior, who had served on the territory of Gallia or Germany before. Some details of the Roman military ammunition were found in the late Scythian necropolis Belbek IV in the South – Western Crimea. The details of the equipment may have first belonged to the legionaries and after that, they fell into barbarians’ hands as the spoils of war.

А.А. Туаллагов

ТАМГООБРАЗНЫЕ ЗНАКИ БОСПОРСКИХ ЦАРЕЙ

В статье рассмотрены тамгообразные знаки сарматского происхождения, принадлежавшие боспорским царям.

Вопрос о семантике тамгообразных знаков боспорских династов давно привлекает внимание специалистов. Однако окончательное решение все еще не найдено, а возражения против предлагаемых трактовок ¹ представляются вполне объективными. Признаваемое большинством исследователей сарматское происхождение династии, вхождение элементов царских тамг в систему «сарматских знаков» служат основа-

© А.А. ТУАЛЛАГОВ, 2002

нием для направления нашего исследования. Привлечение для анализа соответствующих знаков оправдано научными наблюдениями за их распространением в связи с известными историческими событиями, что дает возможность сравнивать знаки близких схем и включенных в них элементов.

Считается, что Аспург первым среди царей стал применять тамгу, зафиксированную на монетах, кирпичачах и сосудах. Ее самая дальняя находка фиксируется в погребении знатного алана у с. Косика в Нижнем Поволжье и на скале Уйташа в Дагестане. Тамгообразный знак вполне можно рассматривать как своеобразный вариант свастики. Среди известных вариантов тамги сарматского царя Фарзоя ² отмечается тот, на котором вместо обычных волн использованы прямые отрезки, делающие его особенно близким к тамге Аспурга, что дополнительно свидетельствует в пользу решения М.Б. Щукина ³. Вполне понятным тогда предстает появление у другого позднебоспорского царя, носившего имя Ининфимей, близкое к имени сына Фарзоя Инисмей, тамги схемы Фарзоя. Видимо, недаром на монетах Фарзоя и Инисмея появляется изображение солнечного Аполлона. В приверженности представителей боспорской династии к солярному культу сомневаться трудно: знаки и царские короны на их монетах свидетельствуют и о принятии царями митраизма. Сам основатель династии Аспург, вероятно, был обожествлен через образ Гелиоса — Митры ⁴, что позволяет обратиться к следующим материалам.

По сведениям китайских источников ⁵, когда хунны захватили страну Яньцай-Аланья, то поставили на престол новую династию, один из правителей которой прозывался Хуни/Хур. Учитывая закон передачи в китайском языке звука «р» звуком «н», логичнее представляется чтение имени как Хур. Транскрипция названия столицы страны Хулу/Ху-чэн близка к названию г. Хвара/Хварана на нижней Сырдарье, которое фиксируется и в области расселения скифов—хавранов далеко на востоке. Название последних прямо соответствует китайской транскрипции хунь-е, которым обозначалось «царское» племя юэчжей (асиев), и восходит к иранскому хваг — «солнце». Сами события относятся ко времени первого столкновения юэчжей и хуннов. Данный перевод логично выражает реальный прототип транскрипционного знака взнь и имени царя Хуни как эманации солнца и божественного огня, дарителя божественного нимба царей ⁶. В другом названии государства, Вэньнаша, выделяются основы «хварна/хварэна» и «ша/шахр» (персидское «страна», «город»). Косвенным образом в пользу такого решения, на наш взгляд, свидетельствует и другое, бесспорно иранское, название страны — Судэ (иранское sugda — «чистый», «святой»), восходящее к sixta — «очищенный огнем»).

Привлекает внимание предлагаемое чтение названия приаральского государства Хунастан или Хунаша ⁷. Если применить к его первой части закон перехода «р» в «н», то оно будет выглядеть как Хурстан — «Страна солнца». Тогда перед нами открывается интересная картина. В двух разных названиях страны Судэ и Хурстан выражена единая идея сакральной огненно-солнечной стихии, которая неоднократно отмечалась исследователями в традициях племен скифского мира. Другое название страны, Аланья, восходит в своей первой части к arjana — «благородный», «знатный», а во второй — к китайскому go — «страна», «государство», т. е. Аланьо — «страна Ариа (ариев-алан)», или «Благородная страна». Оно может в определенной степени рассматриваться как эквивалент к названиям Сутэго и Хурстан. Заметим, что Аланьо и Хурстан напоминают о современном названии своей северокавказской родины осетинами-иронцами — Иристон.

Мовсес Каганкатвацци зафиксировал культ солнечного конного божества Куара (Аспандиар/Аспандиат), которому гунны южного Дагестана, подобно массагетам (Геродот. I, 216) и сарматам (Павсаний. «Описание Эллады». I, 215), приносили в жертву коней. Поклонялись солнцу аланы (Фрикс). О существовании у сарматов и в римское время солнечного божества свидетельствуют археологические материалы ⁸. Оба имени божества указывают на его аланское происхождение, а первое из них представляет собой известное нам хваг — «солнце». Вероятно, Куар оставался божеством у местных алан, а у гуннов его образ слился с образом Тенгри ⁹. К иранскому заимствованию и единому образу относят появление в мифологии обских утров солнечного божества на крылатом коне Мир сусне хум и его брата Кореса (хваг — «солнце»). В Танаисе известно изображение всадника, воспроизводящее почитавшегося на Боспоре солнечного ¹⁰ Бога Высочайшего, аналогичное изображению на керченской диадеме из царской гробницы III в. н. э. Его, в свою очередь, сопоставляют ¹¹ с

изображением на серебряном ритоне из Карагодеуашха верховного мужского божества на Боспоре, дарующего царям власть в соответствии с представлениями скифо-сарматского мира.

Известно, что фракийский Сабазий не имеет с ним ничего общего, а в религиозных воззрениях боспорцев получил официальное признание только фракийский всадник, никогда не представлявший из себя монополию фракийцев¹². Причерноморский всадник связан с хорезмийским и относится к миру образов, сложившихся и бытовавших на обширной территории от Северного Причерноморья до Индо-Скифии и Китая. Имя фракийского всадника Герой сопоставимо с именем кушанского царя Герая на монетах. На монетах из Хорезма и Кушании вместо имени царя значилось: «Бог великий, спаситель», параллели чему представлены в северопричерноморских Боге Высочайшем и Герое, рассматриваемых в качестве обожествленного предка¹³.

Воцарение родоначальника новой династии связывают с деятельностью аспургиан, занимавших особое положение в государстве. Не исключено, что он был выходцем из их среды. Попытки исследователей отрицать племенной характер названия «аспургиане» не представляются обоснованными. Им противоречат, например, данные Пейтенгеровой карты. По Страбону (X, II), аспургиане были расселены на земле синдов, на территории в 500 стадий между Фанагорией и Горгиппией, с чем сравнимы сведения Лукиана Самосатского («Токсарид, или Дружба». 51-55) об обязательстве алан перед Боспором подчинить синдов, т. е. на месте аспургиан оказываются аланы. Некие арихи, чье имя восходит к основе агуа, как и название ариатов в устье Дуная (возможно, в окончании названия мы имеем суффиксальную морфему адыгейских языков «хэ»), заменяющую иранское *-та*), локализируются между астураканами (аспургиане) и синдами (Птолемей. III, 5, 17—25) и вместе с аспургианами включаются в число меотских племен (Страбон. XI, II, 11).

С аспургианами связывают археологические памятники «резиденция Хрисалиска» и «Золотое кладбище». С последним ставят в один ряд захоронения и клады, на основании которых реконструируется сакрализация личности Аспурга. Представляется вполне оправданной аланская идентификация памятника. Показательно, что до Страбона об аспургианах не было ничего известно, что логично толковать в пользу прищипости племени. Интересно, что И. Шопен¹⁴ цитирует указанное выше сообщение Страбона об аспургианах, которое расходится с известными переводами: «Аспурджиане занимают между Фанагорией и Джорджитией страну в 500 стадий. Город их Аспурджиум находится в стране, называемой Асию. Эти Асийцы были, вероятно, остатками многочисленного народа». Нам еще предстоит решать эту историографическую загадку.

Учитывая воплощение Аспурга в образе верховного солнечного божества, следует отметить, что имя этого царя и его сподвижников аспургиан напоминает о солнечном аланском божестве Аспандиаре — «Конный бог» (имеется и иная этимология¹⁵). Возможно, прав был Ю.С. Десятчиков¹⁶, связывавший разрушение северопричерноморских городов в конце II в. до н. э. и возникновение новых приемов строительства с появившимися в регионе тохарами, к которым он предположительно относил и аспургиан. Последние могли прийти в Восточную Европу в указанный период, как считал и Н.И. Сокольский, с первой волной алан.

Известно, что имя легендарного скифского царя Колаксай означает «Владыка Солнца», указывая на прямую связь царской власти с солярным началом. Погребальное золотое облачение сакского царя в кургане № 4 могильника Иссык выражает идею воплощения погребенного в образе солнечного божества и непосредственного приобщения к источнику суверенитета, олицетворявшегося солнечным Митрой как гарантом прерогатив царской власти. У скифов, как и у других индоиранских народов, с солнцем и огнем прежде всего ассоциировалось золото. Поэтому золото из гробниц скифской знати рассматривается не только как показатель богатства, но и как символ небесного (божественного) происхождения власти. Подобные представления были присущи и тагарской знати.

Об этом же свидетельствуют монеты кушан, на которых солнечные Фарро или Сарапис венчают тамгу царю венком или диадемой, что напоминает изображение венчания крылатыми Никами тамги Тиберия Евпатора на плите из Танаиса. На серебряном котле из Гундеструпа изображение человека сопоставимо с его изображением на кобяковской гривне, что указывает на общие «сарматские корни»¹⁷. Он сидит

со скрещенными ногами и держит в правой руке диадему. Изображенный на Бехистунской скале Хварена держит в руке гривну (она отмечается на шеях аланских сосудов-баранов — фарн?). К сожалению, не были полностью опубликованы материалы из захоронения Рескупорида III, но данные о золотом облачении погребенного можно сопоставить с образцами из Иссыка и Тиллятепе.

Связь образа легендарного короля Артура в неким аланским вождем подтверждается этимологией его имени — «Огонь-Солнце». В осетинском эпосе вторая дочь солнца носит имя Косер или Коара, второе из которых соотносится с древнеиранским хваг и напоминает имя аланского предводителя Гоара в Западной Европе. В имени брата хорезмшаха Хурзад — «Сын Солнца» видят перевод хорезмийского титула багпур/фагпур, а в лице его носителя — представителя дофеодальной царской династии. На медном чекане правившего в конце III в. н. э., видимо, хорезмийского узурпатора Вазамара, чье имя сопоставимо с именем осетинского Урызмага, появляются тамги в виде свастики или трехконечного знака с завихряющимися концами. Божественным по происхождению считался царский род алан (Мовсес Хоренаци. «История Армении». Кн. II. Гл. 50). Наши наблюдения позволяют поставить вопрос о закономерности появления исторических пар Колаксай — сколоты, Хуни/Хур — хунь-е, Аспурга — аспургиане.

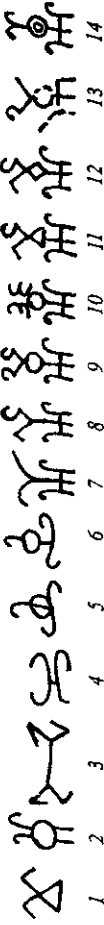
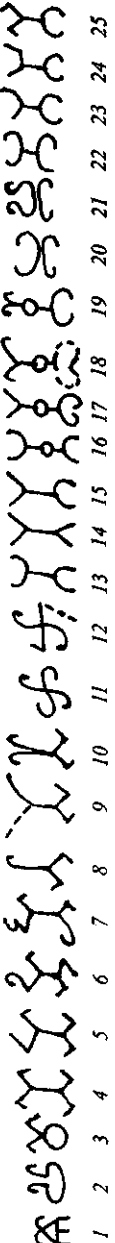
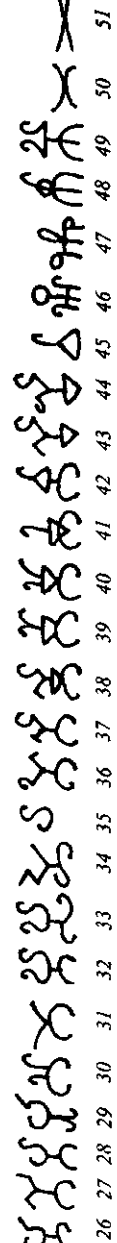
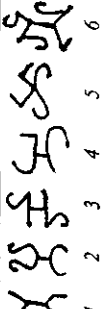
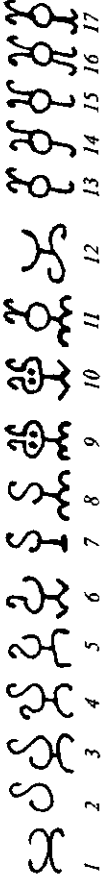
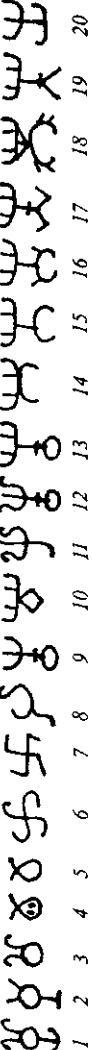
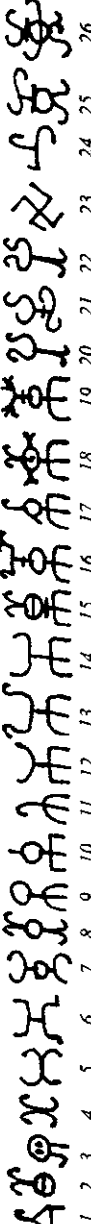
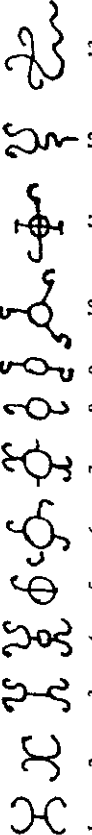
Как отмечалось, тамга Аспурга сходна с известной тамгой сарматского правителя Фарзоя, образцы которой представлены на многочисленных древностях Евразии. Близость становится еще более очевидной с учетом варианта знака Фарзоя (II, 14), в котором плавные линии волют заменены прямыми отрезками (рисунок). Данная схема прослеживается еще по савроматским знакам (III, 1). Допустимость такой замены демонстрируют знаки на мраморном льве из Ольвии, у которых один конец в виде волоты сочетается с концом из прямых отрезков (II, 23, 24). Аналогичные изменения отмечаются в знаке из погребения у с. Пороги (II, 17).

При переходе тамги от Фарзоя к его сыну Инисмею в знак сына добавляется круг, что отмечается и для знаков Риметалка и Савромата II¹⁸. Он разрывает соединительную линию волют, давая возможность манипуляции с указанной частью. В случае полного удаления соединения мы получаем знак, не менее известный, чем знак Фарзоя (II, 20—22). Его образцы встречаются на территории от Восточной Европы до Северо-Западной Монголии. Он встречается еще на памятниках скифской культуры Северного Причерноморья, в которой известна и тамга в виде пересекающихся линий, к чему привело бы изъятие соединительного отрезка в отмеченном варианте знака Фарзоя (II, 50, 51). При проведении подобной операции со знаком Аспурга получаем обычную свастику, что позволяет признать в царском знаке солярный символ, в принципе, определяемый без дополнительных конструкций. Тамга Инисмея полностью повторяется как элемент средневековых аланских солярных амулетов Северного Кавказа. Знаки-свастики хорошо известны по материалам культуры кочевых народов Евразии (V, 6, 7; VI, 23). Они известны и среди «сарматских» тамг Северного Причерноморья (II, 11, 12). Показательно, что знак из пещеры Ак-Кая сочетает плавную S-образную линию с линией из прямых отрезков (II, 12).

Среди тамгообразных знаков Северного Причерноморья зафиксированы образцы, в которых, в отличие от знаков схемы Фарзоя, вместо верхней волоты появляются изображения, сравнимые с верхней частью сложных царских знаков. В одних они практически полностью совпадают (II, 36, 37), в других отсутствует верхнее окончание — «крючок» (II, 25). Аналогичные верхние части представлены в знаках схемы Аспурга (II, 5—7). В целом известные варианты позволяют усматривать в верхней части царских тамг продолжение звучания солярной идеи.

В Северном Причерноморье известны также образцы соединения нижней волоты с окончанием типа «ладья» (II, 32), которое в несколько измененном виде, приближенном к верхней части хорезмийских знаков (III, 9, 10), отмечается и как отдельная тамга (II, 2). Хорезмийские знаки демонстрируют переход этой схемы в форму круга с навершием в виде высоких «усиков» (IV, 9—11). Аналогичное окончание демонстрирует один из пороховских знаков (II, 19). Такая схема характерна для верхней части знака боспорского царя Риметалка (I, 14), заменяющая обычную схему из прямых отрезков вплоть до появления широко разведенных «усиков» (I, 7). Два прямых отрезка и широко разведенные «усики» (II, 17, 18) отмечаются в знаках из погребения у с. Пороги, которые имеют общую схему со знаками Фарзоя.

Сочетание широко разведенных «усиков» с элементами свастики из знака Ас-

I	Царские знаки
II	Северное Причерноморье
III	Азиатская Сарматия
IV	Хорезм, Согд, Бухара
V	Кушания, Кангой, Парфия
VI	Монголия
VII	Северный Кавказ

пурга (II, 9) вновь ставят вопрос о выражении солярной идеи. Известная нижняя часть хорезмийских знаков с «ладьей» (IV, 10) при сравнении также оказывается близкой к частям знаков схемы Аспурга (II, 4, 5). Боспор дает примеры сочетания в знаках высоких «усиков» с окончаниями свастики (II, 10), а соединение таких «усиков» и «ладьи» представлено в материалах Юго-Западной Монголии (VI, 20, 22).

Появление знака, сочетающего элементы круга и «усиков», параллели которому отмечаются в знаках Юго-Западной Монголии, царей Бухары, Хорезма и Согда, сакских правителей Матхуры (VI, 2, 8; IV, 13—17), имеет типологическую параллель в знаках северокавказских народов, в сходстве которых с сарматскими и боспорскими большинство исследователей видят культурную преемственность¹⁹. Так, родовая тамга Соховых представляет из себя круг с четырьмя отходящими от него «крючками». Жамборовы, отделившиеся от Соховых, сгруппировали в своей тамге «крючки» в пару «усиков», поставив на места двух перенесенных «крючков» отрезки (VII, 6, 7). Тамги царей Бухары и Согда дают пример и взаимосвязи в подобных знаках элемента «усики» с парами параллельных «крючков» (IV, 13—17), которые представляются вариантом «ладьи» типа хорезмийской (IV, 9). Данные наблюдения могут быть использованы при определении семантики предполагаемого знака Асандра (I, 2), имеющего сходные варианты у бактрийских юэчжей и кангюйцев (V, 1—3).

Среди известных сарматских знаков Северного Причерноморья зафиксированы образцы, в которых, в отличие от знаков схемы Фарзоя, вместо верхней волноты и соединительного отрезка (исчезновение последнего подтверждает наши наблюдения) появляется треугольник с «навершием», повторяющим верхнюю часть царских знаков (II, 38). Зачастую они стоят рядом с царскими, свидетельствуя о знатности их владельцев и какой-то родственной связи с династами. Они представляют собой как бы промежуточную схему в развитии царских знаков (рядом с царскими фиксируются и тамги, состоящие только из нижней части первых (II, 46, 47), что отмечается в знаках из территории Монголии (VI, 9—11)).

В Ольвии зафиксирован знак (II, 42), представляющий собой волноту, соединенную отрезком с треугольником, чья вершина увенчана небольшим «крючком». Рядом со знаком нанесено слово, которое предлагается читать на староосетинском как «царь»²⁰. Причем «крючок» присоединяется к верхнему углу треугольника, повторяя, в отличие от других знаков (I, 39—41), систему соединения в знаке Тиберия Евпатора (I, 11), а его изображение сохраняется в знаке Фофорса (I, 5, 6). Последний имеет параллель в знаке из Ак-Кая (II, 48), построенном полностью по принципу сложных царских знаков и имеющим прямую аналогию в знаке из Юго-Западной Монголии (VI, 17). Не исключено, что знак из Ак-Кая является вариантом знака Фофорса. Треугольник с «крючком» представлен как отдельная тамга в Ольвии (II, 45) и близок к другому известному знаку из Монголии (VI, 1). Напоминает данную схему знак Динамии (I, 1), считающийся иногда монограммой. Однако нельзя отрицать и его связь с тамгообразными знаками. В регионе известна близкая тамга, имеющая дополнительную «подставку» из трех окончаний (II, 1), подобно нижней части других царских знаков и «подставке» из двух окончаний монгольского.

Использование отдельно стоящего «крючка» фиксируется в знаках царей Согда (IV, 13—15). В Северном Причерноморье он известен в сочетании с элементом свастики из знака Аспурга (II, 8). С последним сочетаются также окончания, близкие к «навершиям» сложных царских знаков (II, 5—7). Горизонтальная S-образная подставка знака Фофорса имеет аналогии в знаках региона, сочетающих ее с «ладьей» (II, 33) и окончанием типа царских «наверший» (II, 34), а также в знаках хорезмийского медного чекана с «серпом» (IV, 12). Близ Актюбинска отмечена сарматская тамга, в которой S-образная подставка соединена с элементом свастики знака Аспурга (III, 5). Прямолинейную схему подставки знака Фофорса, как было замечено по поводу других тамг, не следует рассматривать в отрыве от более плавных линий ее параллелей, подтверждением чему служит свастика из Ак-Кая (II, 12). Плавное окончание «крючка» из знака Фофорса несколько отличается от окончаний «наверший» других царских знаков. Но северокавказские тамги солярного типа демонстрируют взаимозаменяемость подобных схем, причем даже сочетая их в одном знаке (VII, 11). Подтверждают наше наблюдение знаки родственных фамилий Шомаховых и Хафице (VII, 8, 9).

Исследователи неоднократно высказывали предположение о связи тамг с какими-то темными изображениями²¹. На основании сходства графической транскрипции змеи и дракона, характерной для изобразительного творчества народов Азии, с

известными сарматскими, монгольскими и хорезмийскими знаками и с учетом прослеживающейся мощной тенденции к стилизации в савромато-сарматском художественном мышлении с большой долей уверенности предполагается в «наверших» царских тамг и близких к ним S-образных знаках изображение дракона. Наличие изображений дракона в царских знаках, передаточной средой которых, вероятно, были массагеты-юэчжи, связывают с представлениями о драконе-громовике и с апелляцией к божественному происхождению власти, символом которой, например в Китае, и служил дракон. Появление его в савромато-сарматском мире рассматривают как заимствование в результате непосредственного и опосредствованного контактирования с восточными регионами или от скифов, с которыми сарматы имели тесные взаимоотношения и у которых известны военные знамена-драконы²².

Действительно, именно в Азии многочисленны изображения дракона, которые неоднократно встречаются в материалах скифо-сарматского мира. Согласно Арриану («Тактика против алан», XXXV, 3), скифские (аланские) знамена представляли собой сшитых из лоскутков драконов. Подобные знамена известны в Синьцзяне («святой воин» в Кирише), а без драконьих голов — у кангюйцев (пластина из Кургана-тепе). Знамя-дракон изображено на серебряном кубке из аланского погребения 1 в Косике, на колонне Траяна в руках даков, на арке Аврелия среди трофеев, на сарматском надгробии из Англии. В «Шахнаме» описывается, что на знамени Рустама, чьим историческим прототипом был аршакидский правитель Систана, был изображен фиолетовый дракон. Аланские знамена-драконы заимствовали римляне, иранские Сасаниды и парфяне. Вполне вероятно, что к ним восходит появление звероподобных знамен у сванов и поляков.

«Драконидами» называл Мовсес Хоренаци потомков мидийского царя Астиага, родственников аланских правителей Аравелианов. Авестийский царь Ажи-Даххака (в «Шахнаме» Заххак), олицетворявший турано-сакский мир, представлен монстром с тремя змеиными головами. Правители кельтов Британии использовали флаги-драконы, а слово «дракон» было синонимом слова «правитель». Такой стяг имел легендарный Артур, а его отца звали Утер Пентрагон — «Голова дракона». Вполне вероятно распространение соответствующих традиций у островных кельтов через языгов²³. В фольклоре вайнахов чудовищный змей носит имя Сармак. По легенде, скифы произошли от змеядевы, передавшей правление своей страной сыновьям; ее символом у скифов, по Валерию Флакку (VI, 60), служили драконы. Возможно, именно в таком аспекте следует понимать определение ассирийскими источниками вождя киммерийцев Тугдамме как «творения» и «отпрыска» Тиамат. С нашими наблюдениями интересно сравнить сведения китайских источников о тюрках²⁴, у которых бытовали легенды о происхождении народа от волчицы, хан отождествлялся с волком, а на знаменах красовалась золотая волчья голова.

Мы присоединяемся к решению о воспроизведении в «наверших» царских знаков образа дракона как символа божественной власти. Однако полагать, что это результат только преемственности между родственными мирами, вероятно, не совсем корректно. Эти представления могут быть отражением близких взглядов на происхождение верховной власти, обусловленным их единичным источником. Вообще называть известные знаки «сарматскими» недостаточно объективно, так как у нас нет возможности проследить традицию их развития в сарматском мире. Более оправданным представляется мнение об их появлении в северопричерноморском регионе с аланами, ранняя этническая история которых исходя из последних исследований связана с Азиатской Скифией. В пользу предлагаемого решения свидетельствуют аналогичные царским знакам Боспора тамги их Юго-Западной Монголии (VI, 15—19).

В Кобяково и Царском представлены аланские «царские» тамги. Первая в верхней части близка к верхней части знаков боспорских царей, вторая практически идентична фарзоевской, отличаясь добавлением к верхней волоте небольшого отрезка. Полагают, что близость свидетельствует о межбрачных династических связях Алании и Аорсии²⁵. Однако нельзя исключать общность идеологических представлений или роль аланского элемента в правящей верхушке кочевых обществ того времени. Обращает на себя внимание то, что при изменении загиба одного конца волоты во внешнюю сторону она приобретает характерную S-образную форму.

Тамгообразные знаки, подобно знаку из Царского, служили формообразующими образцами для псалиев. В то же время псалии, оканчивавшиеся головами коней или грифонов, известны в Ордосе и Южной Сибири, у южноуральских савроматов и

прохоровцев IV в. до н. э. Не исключено, что знаки и зооморфные изображения на псалиях взаимосвязаны. Так, псалии из могильника Нового оканчивались как геометрическими фигурами, так и сильно стилизованными зооморфными изображениями. В Приуралье известны находки скифских акинаков IV—V вв. до н. э. с волнитообразными навершиями в виде двух ушастых грифонов. На головах грифонов четко обозначены клювы, глаза и округлые выступы над ними. Для мечей отмечается связь с тагарской культурой. На Северном Кавказе среди археологических находок, синхронных по времени с приуральскими, есть мечи с волнитообразными навершиями. В их концы уже не вписаны головы грифонов. Вместо этого к центру волноты перенесены две окружности глаз. На одном из образцов возле центра навершия отмечается боковой выступ, напоминающий выступы над глазами грифонов с приуральских акинаков²⁶. Интересно, что в сравнительной таблице С.П. Толстого²⁷ напротив знака Савромата II стоит хорезмийская тамга с характерными двумя точками у основания ее верхней части. Такие пары точек отмечаются в знаках из Монголии и у бактрийских юэчжей в виде круга с «усиками» (VI, 3, 18; V, 4). Небольшая окружность включена в знак Риметалка (I, 17). Но схема круга с точкой посередине может быть знаком солнца, каковым он является у египтян и китайцев. Циркулярный орнамент — символ не только солнца, но и огня, горения. Это подтверждает орнамент на коньке у устья очага в скифском поселении IV—III вв. до н. э.²⁸ Выше отмечалось, что «сарматские» знаки указывают на связь образа дракона с солярными силами (в монгольском знаке (VI, 21) он соединен с S-образной подставкой). Обращалось внимание на покрытие знака Тиберия Евпатора и тамги с S-образным элементом красной краской, символизировавшей огонь, что дало повод видеть в тамгах образ Дракона-Громувика, обеспечивавшего плодородие²⁹. Лежащий в основе образа дракона образ змеи также связан с идеей плодородия, вечного движения и регенерации и зачастую имеет прямое отношение к огненно-солярному началу. Связь образа змеи с солнцем известна с глубокой древности в культурах многих народов и является аксиомой, не находящей окончательного объяснения. Отмечается сближение образа дракона Сэнмурва с образом барана-«фарна» Ардашира, представляющего в облике чудовища³⁰. Возможно, следует вспомнить о популярном в раннескифском искусстве образе грифобарана.

Грифон в скифском мире мог соотноситься с солнечным богом Гойтосиром-Аполлоном³¹. В скифских легендах священные грифоны охраняют золото, превращаясь позднее у тюрков в драконообразных чудовищ. В «Авесте» фарн предстает в образе летящего огня или хищной птицы, что позволяет учесть выраженное в знаке Савромата II проявление фарна без дополнительного привлечения образа барана³². В Греции грифона связывали с дальними частями Скифии и относили к посвященному солнцу божеству. Подтверждением такого положения служат сакские жертвенники из Приаралья и аланские солярные амулеты из Северного Кавказа с изображением голов хищных птиц. Согласно Геродоту (IV, 79) дворец скифского царя Скила в Ольвии украшали сфинксы и грифоны. Сфинксы же, согласно Плинию Старшему (XXXVII, IV), выступали атрибутами царской власти.

В нижней части царских знаков усматривали изображение триденса, что не согласуется с практикой знаковых изображений³³. Попытка видеть в ней изображение протомы коней³⁴ не убедительна, так как не отвечает семантике верхней части и вообще не предполагает ее объяснения. Что касается трактовки нижней части как общемирового символа молнии или производной от части китайского иероглифа «ди»³⁵, то необъяснимо сочетание знаков дракона и молнии, ведущее к дублированию в тамге одной идеи, и предпочтение, отдаваемое «молнии» в монетном чекане, причем, при отсутствии этого элемента в знаках отдельных царей. Для признания использования иероглифа следует доказать существование практики сочетания в знаке иероглифа и стилизованного изображения какого-то существа, что представляется слишком сложным. Остается без ответа и надпись «царь» возле ольвийского знака.

Более вероятно, что в нижней части должна сказаться все та же тенденция стилизации известных образов. Наиболее близкие боспорским царским знакам образцы происходят с р. Паган-Гола в Юго-Западной Монголии. Рядом с ними отмечается антропоморфное изображение лучника с подчеркнутым мужским половым признаком³⁶, практически полностью аналогичное нижней части стоящих рядом боспорских знаков. Подобные изображения известны с эпохи энеолита, а в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе отмечаются в средневековых катакомбах. Северопричерноморские

образцы атрибутируются как сармато-аланские³⁷. На Северном Кавказе такие фигурки часто вписаны в круг-«солнце». Круг, треугольник или ромб могут означать голову персонажа, что находит, например, параллели в аланских изображениях. Указанные фигуры могут символизировать и производительные силы природы — землю, солнце, плодородие, что сочетается с общей семантикой знаков. Последняя дает право видеть в нижней части тамг схематизированный образ обожествленного правителя, играющего особую роль и в культуре плодородия у многих народов.

В целом в царских знаках изображены правитель и дракон-грифон, символизирующие богоданность царской власти и ее связь с солярным началом. Интересно, что знак знатной кабардинской фамилии Атажукиных представлял собой «ладью», соединенную с зигзагообразной линией (VII, 12), по поводу которой отмечали: «Тавро Атажукиных имеет драконовоый хвост»³⁸. Подобные знаки известны и у других северокавказских народов, а змеообразная линия включается в изображение свастик (VII, 13).

В знаке Савромата II представлено изображение правителя и двух фантастических существ. Их взаиморасположение напоминает сведения «Авесты», что Ажи-Даххак имел змеиные головы на плечах. Полагают, что изображение легендарного правителя следует видеть в росписи Пянджикента, в скульптуре, хранящейся в Эрмитаже, и др. Вспомним о связи образа Сиявуша с образом водного коня, который часто соотносится с образами змеи и дракона. Особенно в Средней Азии он был близок к образу аждага. Царский знак может служить схематизированной передачей известных изображений.

В погребении знатного аорса (алана?) второй половины I в. н. э. у с. Пороги на Днестре был обнаружен портупейный пояс хуннского типа, на пластине которого изображен человек, восседающий на барсе и держащий за лапы двух орлиноголовых грифонов, терзающих лошадь, что справедливо сопоставляется с изображением на подвесках конической тиары из царского захоронения в Тиллятепе человека, держащего за лапы лошадиноголовых драконообразных существ. Данная композиция восходит к эпохе индоиранской общности, а в сарматское время воплощается в образе государя³⁹. Возможно, ее отголосками следует считать композиции на древнерусских монетообразных подвесках, трактуемых как изображение халифа Алнассира и двух драконов, на бляшках Мартыновского кладя 1909 г., имеющих синхронные аналоги на аланских бляшках (г. Кагуль, ст. Преградная), и на аварских бронзах из Европы, воспроизводящих, видимо, византийский сюжет «Пророк Даниил во рту львином», но в нем львы превращаются в непонятных существ в характерной S-образной позе. На аварских предметах обнаружены и тамгообразные знаки, в которых усматривают изображения каких-то животных⁴⁰.

При ближайшем рассмотрении нетрудно заметить, что эти знаки очень близки к «сарматским». Поэтому особо отметим, что еще живя в Азии, авары непосредственно граничили с Кангюем, а в сложении этноса предполагается активное участие сармато-алан⁴¹. Иконографические и стилистические особенности в изображениях драконов на тиллятепинском образце согласуются уже не с бактрийской традицией, а с традициями скифо-сибирского звериного стиля. В одежде государя отмечается сочетание ахеменидской юбки (? — А. Т.) и типично скифского кафтана⁴². На пластине из Порогов костюм персонажа полностью сменяется на аланский.

Видимо, и сам персонаж, несмотря на монголоидные черты, является аланским, так как не известен за пределами Сарматии. Предполагается, что на пороговской пластине изображено божество «хозяин зверей»⁴³. Действительно, в данной схеме, например, представлена Владычица зверей на ритоне из Келермесского кургана. Львиные и орлиноголовые грифы сопровождают змееногую богиню на золотых бляшках из Куль-Обы, а львиные — божество дерева на скифских и луристанских образцах. Возможно, древнее женское божество выступало покровителем правителей, но в нашем случае более вероятно изображение самого царя. Представленный на пластине из Порогов мотив терзания лошади грифонами связан с царским культом, что подтверждает его наличие на вещах из Толстой Могилы и в татуировке царя в одном из курганов Пазырыка, и является метафорическим эквивалентом жертвоприношения для поддержания миропорядка⁴⁴, воплощением которого выступал сам правитель. О восседающем на барсе пороговском персонаже напоминает изображение Сараписа на троне, ножки которого имитируют лапы кошачьего хищника.

Сцена терзания грифонами лошади сопоставима с легендами о вражде одноглазых аримаспов с грифонами. Примечательно, что на лбу изображенного правителя

из Тиллятепе отмечается точка «чакраварти». Сама легенда о борьбе аримаслов и грифонов олицетворяла борьбу за материализованную огненно-световую основу космической жизни. Поэтому изображение на поясе из Порогов может выражать ту же самую идею, но в центре нее стоит уже аланский правитель как борец за небесный огонь и его обладатель, т. е. носитель фарна. Образы же грифонов и драконов именно в сценах терзания были взаимозаменяемы в скифском мире⁴⁵. С мотивом терзания может быть связано изображение грифона на псалиях, поскольку именно псалиями могли наносить раны лошади. Трактовка знака Савромата II и приведенных изображений позволяет отметить, что использование геральдических композиций с центральным доминантным элементом связано с изменениями в идеологии общества, выраженными в появлении деспотической власти с регламентацией господства и подчинения⁴⁶. Они известны еще по памятникам скифской культуры и соотносятся со скифской эмблемой у Валерия Флакка (VI, 60).

S-образный символ, употребляемый в тамгах, служил основой изображений свастики из птичьих и лошадиных голов, триквестра. Присутствует он на оленных камнях в Центральной Азии, образует рога оленей, просто наносится на тела оленей и хищников. Особенно много предметов в форме S-образного символа относится к периоду расцвета алтайского звериного стиля: псалии, седельные украшения из Пазырыка, многочисленные предметы облачения вождя из кургана Иссык. Допускается схематичная передача указанным символом животных. В то же время он соотносится с линией, разделяющей в эмблеме жизни два космических начала инь и янь и служащий осью мира⁴⁷. S-образные фигуры фиксируются на бронзовых зооморфных изображениях кобанцев, найденных в районе г. Нальчик. Отмечалось возрождение с приходом алан в Восточную Европу изображений хищников с S-выгнутым телом. Что касается S-образной оси мира, то указывалось на индоевропейское происхождение понятий «инь» и «янь». Использование подобного символа в царских знаках может определяться образом правителя, олицетворявшего мировой порядок и его сакральный центр, и дракона, в чьем образе слиты все три сферы мироздания.

С.П. Толстов⁴⁸ полагал, что в Боспор вошла тамга, представляющая собой один из вариантов кангюйско-хорезмийской тамги Сиявушидов, которая имела большое сходство с кушанской. Археологические находки позволили проследить продвижение с востока на запад, начиная с Юго-Западной Монголии, подобных тамгообразных знаков. Но более популярно мнение, что знаки боспорских царей принадлежат скорее кушанскому, чем хорезмийскому, типу, а тамги монет Хорезма, Бухары и Согда отделяются от кушанских, эфталито-хионитских и турано-кангюйских и признаются принадлежащими юэчжам дома Чжаову (сарматы). Однако отмечается и определенная связь между этими группами⁴⁹, что упускается из вида исследователями. Наши наблюдения позволяют оспорить критику сближения хорезмийских и боспорских тамг. Кроме того, исторически не имеет оправданий попытка отождествления юэчжей и сарматов, а Чжаову генетически связано с титулом кушанских царей *уачуга*⁵⁰. Известные варианты кушанских тамг (VI, 11—20) в своей нижней части близки к элементам окончаний знаков типа Фарзоя-Аспурга. Исходя из приведенных наблюдений за тамгообразными знаками боспорских династов, считаю возможным выдвинуть гипотезу о ее аланском происхождении, что в свете последних исследований не противоречит и времени появления алан в регионе. Интересно, что тамга схемы Фарзоя фиксируется на двух грузилах из слюев IV—I вв. до н. э. Елизаветовского городища⁵¹.

¹ Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. — Киев, 1975; Соломоник Э.А. Die Sogenannte sarmatische Schrift. Die Welt der Slaven. VI.3. Wiesbaden, 1961 (рецензия) // СА. — 1965. — № 3; Алексеев В.Л. К вопросу о семантике сложных царских знаков Боспора // СА. — 1991. — № 2.

² Симоненко О.В., Лобай Б.И. До визначення етнічної належності Фарзоя та Інісмєя // Археологія. — 1989. — № 1. — С. 10. — Рис. 2, 1—9.

³ Щукин М.Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Материалы III Археол. семинара «Античная цивилизация и варварский мир». — Новочеркасск, 1992. — Ч. 1. — С. 114.

⁴ Тачева-Хитова М. О культе ΘΕΟΣ ΥΨΙΣΤΟΣ на Боспоре // ВДИ. — 1978. — № 1. — С. 140; Сапрыкин Ю.С. Золотая пластина из Горгиппии // ВДИ. — 1983. — № 1. — С. 71—72, 77; Фролова А.А. К вопросу об интерпретации некоторых изображений на позднебоспорских монетах // Проблемы античной культуры. — М., 1986. — С. 213.

- ⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М., 1950. — Т. 2. — С. 260; Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961. — С. 181.
- ⁶ Зуев А.Ю. Сармато-аланы Приаралья (Яньцай/Абзойя) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX—XX, XX—XXI): Проблемы генезиса и трансформации. — Алматы, 1995. — С. 38—49.
- ⁷ Marquart J. Iberer und Hircanier // Saucasia. — Leipzig, 1931. — Fasc. 8. — S. 83; Enoki K. Sogdiana and the Hsiung-nu // Central Asiatic J. — Hague-Wiesbaden, 1955. — Vol. 1. — P. 62.
- ⁸ Граков Б.Н. Пережитки скифских религий и эпоса у сарматов // ВДИ. — 1969. — № 3. — С. 71.
- ⁹ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. — СПб., 1994. — С. 86.
- ¹⁰ Тачева-Хитова М. Указ. соч. — С. 140.
- ¹¹ Ростовцев М.И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. — 1913. — № 49. — С. 24—26, 29.
- ¹² Крыкин С.М. Фракийцы в греческих городах Северного Причерноморья: Автореф. дис... канд. ист. наук. — М., 1987. — С. 64—80.
- ¹³ Толстов С.П. Древний Хорезм. — М., 1948. — С. 173—211; Беленицкий А.М. Хорезмийский всадник — царь или бог? // Культура и искусство древнего Хорезма. — М., 1981. — С. 24—45.
- ¹⁴ Шопен И. Новые заметки по древней истории Кавказа и его обитателей. — СПб., 1866. — С. 318—319, 321.
- ¹⁵ Justii F. Iranisches Namenbuch. — Marburg, 1895. — S. 308, 309.
- ¹⁶ Десятчиков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис... канд. ист. наук. — М., 1974. — С. 158.
- ¹⁷ Мордвинцева В.И. Сарматские фалары и некоторые вопросы истории и культуры сарматов // Междунар. конф. «Проблемы истории и культуры сарматов»: Тез. докл. — Волгоград, 1994. — С. 71.
- ¹⁸ Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребение знати у с. Пороги). — Киев, 1991. — С. 69.
- ¹⁹ Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. — Л., 1978. — С. 38; Батчаев В.М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. — Нальчик, 1986. — С. 62; Пожидает В.П. Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент // УЗКБНИИ. — 1948. — № 4. — С. 240; Соломоник Э.А. Указ. соч. — С. 45.
- ²⁰ Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. — Л., 1971. — С. 65.
- ²¹ Мещанинов И.И. Загадочные знаки Причерноморья // ИГАИМК. — 1993. — Вып. 62. — С. 86; Пожидает В.П. Указ. соч. — С. 240; Laszlo G. Steppevolker und Germanen. — Berlin, 1971. — S. 53, 55.
- ²² Алексеев В.П. Указ. соч.
- ²³ Лебединский Я. Драконообразные штандарты Востока и Запада // Дарьял. — 1996. — № 2. — С. 221—229.
- ²⁴ Бичурин Н.Я. Указ. соч. — Т. 1. — С. 220, 229, 237.
- ²⁵ Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I — середине IV вв. н. э. // ПАВ. — 1993. — Вып. 6. — С. 85.
- ²⁶ Исмагилов Р.Б. Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // СА. — 1980. — № 1. — С. 219; Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. — Новосибирск, 1991. — С. 57—59.
- ²⁷ Толстов С.П. Из предистории Руси // СА. — 1947. — № 6-7. — С. 47. — Табл. 1.
- ²⁸ Обельченко О.В. Культура античного Согда: По археологическим данным VII в. до н. э. — VII в. н. э. — М., 1992. — С. 181.
- ²⁹ Алексеев В.П. Указ. соч. — С. 67—68.
- ³⁰ Тревер К.В. Серебряное навершие сасанидского штандарта // Тр. Отдела истории культуры и искусства Востока. — Л., 1940. — Т. 3. — С. 167—180.
- ³¹ Граков Б.Н. Скифы: Науч.-поп. очерк. — М., 1971. — С. 83.
- ³² Алексеев В.П. Указ. соч. — С. 69.
- ³³ Алексеев В.П. Указ. соч. — С. 65.
- ³⁴ Толстов С.П. Древний Хорезм. — М., 1948. — С. 184, 186, 221, 224; Десятчиков Ю.М. Указ. соч. — С. 145; и др.
- ³⁵ Алексеев В.П. Указ. соч.
- ³⁶ Вайнберг В.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. — М., 1976. — Рис. 52.
- ³⁷ Шелов Д.Б. Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984. — С. 241—244.
- ³⁸ Яхтанигов Х.Х. Северокавказские тамги. — Нальчик, 1993. — С. 128.
- ³⁹ Симоненко А.В., Лобай Б.И. Указ. соч. — С. 20. — Рис. 11, 12; 12, 1, 2; Сариганиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. — М., 1989. — С. 59, 77.
- ⁴⁰ Laszlo G. Op. cit. — S. 53, 55.
- ⁴¹ Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. — М., 1989. — С. 201; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1993. — С. 35.
- ⁴² Сариганиди В.И. Указ. соч. — С. 60, 142.

⁴³ Яценко С.А. Центральнoазиатские и среднеазиатские традиции в искусстве Сарматии // Материалы III археол. семинара «Античная цивилизация и варварский мир». — Новочеркасск, 1993. — Ч. 2. — С. 80; *Он же*. Аланская проблема и центральнoазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I—II вв. н. э. // ПАВ. — 1993. — Вып. 3. — С. 67.

⁴⁴ Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. — Киев, 1983. — С. 79, 85—86; Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. — М., 1985. — С. 153.

⁴⁵ Шкурко А.И. Фантастические существа в искусстве лесостепной Скифии // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М., 1982. — С. 5.

⁴⁶ Бессонова С.С. Указ. соч. — С. 84—86.

⁴⁷ Кубарев В.Д. Указ. соч. — С. 164—165.

⁴⁸ Толстов С.П. Древний Хорезм. — М., 1948. — С. 184, 186, 221.

⁴⁹ Вайнберг В.И. Монеты Древнего Хорезма. — М., 1977. — С. 76; Вайнберг В.И., Новгородова Э.А. Указ. соч. — С. 69—71.

⁵⁰ Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. — 1938. — № 1. — С. 199.

⁵¹ Анфимов Н.В. Рыбный промысел у меотов // Проблемы археологии и этнографии. — Л. — Вып. 2.

Одержано 03.07.98

A.A. Tuallagov

ТАМГОПОДІБНІ ЗНАКИ БОСПОРСЬКИХ ЦАРІВ

Статтю присвячено актуальному питанню розгляду тамгоподібних знаків кінця I тис. до н.е. Автор бере до уваги матеріали сарматського походження, які мають відношення до боспорських царів. Велика кількість археологічних матеріалів та етнографічних паралелей з приводу цього питання дає авторові підстави стверджувати про аланське походження цих знаків, як і деяких боспорських династій.

A.A. Tuallagov

TAMGO-LIKE SIGNS OF BOSPORUS TSARS

The given article is dedicated to the detailed analysis of the actual problem of tamgo-like signs, which are dated to the end of the I millenium BC. The author pays special attention to the materials of Sarmatian origin, which must have referred to Bosphorus tsars. The great number of archaeological materials and ethnographic data on this subject give grounds to the author to confirm the Alanian origin of tamgo-like signs, as well as of some Bosphorus dynasts.

Маркова О.В.

EQUUS CABALLUS З ОЛЬВІЙСЬКОГО ПОХОВАННЯ

У статті наведено виміри та подано характеристику поки що єдиного, що потрапив до археозоологів, майже повного (за винятком правої передньої кінцівки) скелета коня з ольвійського некрополя.

У 1994 р. під час розкопок Передграддя, розташованого на некрополі Ольвії (розкопки Ю.І. Козуб), було знайдено скелет кобили 2,5—3 років. Кобилу було поховано над входом до склепу римського часу непограбованого подвійного поховання чоловіка та жінки. Можливо, її було принесено в жертву Посейдону. Зазначимо, що в скелета була відсутня права передня нога (разом з лопаткою) ¹.

© О.В. МАРКОВА, 2002